

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию ПЕТРОВОЙ Натальи Юрьевны
«НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ЗАГРОСА И СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
(ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)»,
представленной к защите на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 5.6.3. Археология. Исторические науки

Керамические изделия — одна из самых обсуждаемых и информативных категорий археологических находок. Для той территории, исторического периода и тех памятников, которые выбрала для анализа Н.Ю. Петрова, имеется немало исследований, посвященных анализу морфологических форм, типологии, химического состава керамики. Можно сказать, что без этого не обходится подавляющее большинство публикаций. В то же время технико-технологические особенности керамики Ближнего и Среднего Востока подвергались системному анализу крайне редко. Чаще всего, в работах отмечаются лишь отдельные черты, на которые автор считал необходимым обратить свое внимание. Представленная к защите диссертация восполняет этот пробел, ставя главной своей целью именно подробное изучение всех этапов и сторон процесса изготовления сосудов в рамках известного историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, разработанного А.А. Бобринским. Этот подход, по разным причинам, редко применяется зарубежными специалистами. Поэтому вдвойне ценно, что материалы, происходящие с археологических памятников Ирака, Ирана, Сирии могут быть сопоставлены по ряду объективных параметров с таковыми с территории России. Кроме того, нельзя не подчеркнуть, что диссертация Н.Ю. Петровой успешно продолжает богатые традиции отечественного востоковедения, что, к

сожалению, на археологическом материале ныне происходит не так, уж, и часто, в том числе и по причине малой доступности первичных данных.

Хронологические рамки работы охватывают ранние этапы развития технологии производства керамики — период неолита до времени окончания хассунской культуры в рассматриваемом регионе – с начала VII тыс. до н.э. до первой трети VI тыс. до н.э. Такой подход также в полной мере обоснован, т. к. при отсутствии подобных исследований в регионе именно зарождение технологических традиций и их ранние ступени развития представляют наибольший интерес.

Сказанное делает данное исследование весьма актуальным и востребованным современной наукой.

Диссертанткой анализируются керамические коллекции (целые сосуды и фрагменты от 870 изделий), происходящие из шести неолитических памятников Загроса (поселения Али Кош, Махтадж, Гуран) и Северной Месопотамии (телли Сотто, Ярым-тепе I, Хазна II). Часть материалов хранится в Институте археологии РАН, а также в ГМИИ им. Пушкина. Были изучены также сравнительные материалы, происходящие с территории Восточной Сирии (Кашкашок II, Саби Абъяд, Секер Аль-Ахеймар, Хазна II, Букрас и др.) и Северного Ирака (поселение Умм Дабагия) находящиеся на хранении в Лаборатории керамики CNRS (Maison de l’Orient, г. Лион, Франция). Для изучения материалов с территории Загроса (поселений Али Кош, Махтадж, Гуран, непосредственно вошедших в данную работу, а также других сравнительных коллекций автор совершила поездку в г. Керманшах (Иран), где проводила работы в Университете Рази.

Активно привлекаются и архивные материалы (полевые дневники Н.Я Мерперта за 1969-1975 гг., дневниковые записи В.А. Башилова 1980-2000 гг., отчеты о раскопках Советской археологической экспедиции в Ираке 1969-1976 гг. и отчеты о раскопках экспедиций иранских археологов, проведенных Х. Дараби в 2016 - 2017 гг.). Диссертанткой проанализированы все стадии

гончарной технологии: информация об исходном сырье, формовочных массах, конструировании сосудов, обработке и декорировании поверхности, обжиге изделий. Нельзя не подчеркнуть, что автором проведено также более десятка экспериментов, нацеленных на уточнение разных этапов технологического процесса. Нелишне еще раз отметить, что подавляющее большинство этих коллекций под данным углом зрения ранее не рассматривались.

Работа состоит из двух томов, включающих введение, шесть глав со множеством параграфов, заключение и библиографический список. Первая глава описывает историю изучения памятников и керамических изделий по отдельным частям изучаемой территории, вторая – методы изучения, третья и четвертая — технологический анализ неолитической керамики Загроса и Северной Месопотамии соответственно, пятая — сравнительный анализ материалов по этим двум регионам, а шестая, итоговая — те культурно-исторические выводы, касающиеся Загроса и Северной Месопотамии в период керамического неолита, которые можно сделать на основании проделанного анализа гончарной технологии.

Второй том содержит иллюстративный, табличный материал и несколько карт. На все фотографии, отражающие исследованный материал, имеются ссылки в тексте. Они дают достаточно полное представление о тех особенностях, которые автор описывает. Все полученные характеристики керамических фрагментов представлены в хорошо и четко составленных таблицах.

Вся диссертация написана хорошим, ясным языком. Особо хотелось бы подчеркнуть основной раздел, касающийся описания и анализа технологии изготовления керамических изделий. Н.Ю. Петрова последовательно в хронологическом порядке излагает материал для каждой из обсуждаемых территорий таким образом, что становятся совершенно очевидными ее выводы относительно процесса развития технологий от более простых к более развитым. Все приводимые ею сравнения как с другими территориями, так и с

хронологическими периодами также представляются в полной мере обоснованными.

Весьма интересно заключение автора о возможном использовании медленного поворотного устройства для нанесения краской горизонтальных декоративных линий, часто нарисованных очень близко в несколько рядов (стр. 111 и др.). Это характерно, по материалам автора, для сосудов самаррской культурной традиции, в частности на Ярым-тепе I.

Высоко оценивая проделанную диссертанткой работу, все же необходимо сделать несколько замечаний. Одно из первых, которое бросается в глаза в самом начале знакомства с работой, заключается в том, что все названия типов керамических изделий приведены на английском языке без перевода на русский (например, стр. 15, 20, 23, 28 и многие др.). Понятно, что нет необходимости это делать каждый раз, но привести или специальную справочную таблицу с такой расшифровкой-переводом или поступить каким-то другим способом было бы целесообразно. Притом что, конечно, английским языком владеют в настоящее время многие, русский перевод таких, например, обозначений керамики как *greyish-brown ware* (серовато-коричневая посуда), *buff ware* (посуда цвета буйволиной кожи) или *yellowish-beige color* (желтовато-бежевый цвет) дал бы важную дополнительную информацию, особенно для сопоставления данных с удаленными от изучаемого регионами. Совсем не ясно также, почему именование стандартной расписной керамики (и другие подобные) с тремя вариантами — стиль Джармо, стиль Гуран и стиль геометрический Сараб — надо давать также на английском языке.

Учитывая, что хронологическая привязка памятников, из которых происходит анализируемый материал, занимает важное место в представленном исследовании (работа охватывает период с начала VII тыс. до н.э. до первой трети VI тыс. до н.э.), конечно, было бы очень полезно и наглядно сгруппировать имеющиеся датировки в единую таблицу. Наличие такой

справочной таблицы позволило бы не делать уточняющие сноски для разных территорий.

Очень интересны аналогии, приведенные диссертанткой, между методами конструирования керамики с традиционными строительными технологиями. Хотелось бы уточнить, что способ, который ею описывается для поселений Загроса со времени эппалеолита (стр. 120-121) распространен гораздо шире. Так, в Таджикистане, Узбекистане и Туркменистане до настоящего времени также используется (правда, теперь чаще при сооружении хозяйственных, а не жилых построек, тогда как еще несколько десятилетий назад именно так строилась часть жилья в равнинных районах) точно такой же: постройки делаются из глиняных пластов шириной 30-40 см различной высоты и 1-2 м длиной, положенные горизонтально друг на друга. Эти пласты, называемые пахса, состоят из глины с добавлением растительных примесей. Применялся этот способ и в древности. Так, например, на известном памятнике эпохи бронзы Туркменистана Гонур-депе, где все постройки сложены из сырцовых кирпичей, часть второстепенных зданий сооружены были именно из пахсы. В ряде случаев таким же способом проводился ремонт разрушенных стен даже центрального здания (кремля).

Но здесь необходимо отметить неточность, которую допускает Н.Ю. Петрова. На стр. 129-130 она пишет: «В начале – середине VII тыс. до н.э. на керамике поселений Али Кош и тепе Махтадж также зафиксированы в качестве элемента конструирования глиняные лоскуты вытянутой формы, что повторяет форму строительных элементов жилищ (mud bricks)». Но строительство с помощью сырцовых кирпичей — mud bricks – это совсем не «лоскутная технология». Сырцовый (т. е. обожженный только на солнце, но не в печи) кирпич имеет конкретную прямоугольную форму с размерами 40-45 x 20-25 x 12-15 см в древности (кстати, кирпичи именно такого размера делают в ряде сельских районов Таджикистана и в наши дни) и 25 x 10-12 x 5-7 см в наши

дни. Применение термина mud brick к лоскутной строительной технологии неверно.

Еще одно небольшое замечание. На стр. 115, 117 и ряде других, суммируя сведения о декоративных схемах керамики на памятниках тель Сотто и Ярым-тепе Iв период Протохассуны, автор пишет, что использование светлого окрашивания, видимо является первичной попыткой подражания новой привнесенной традиции светлого ангобирования поверхности, котоая «быстро вытесняет как красное, так и светлое окрашивание сосудов, становясь основной декоративной традицией периода Стандартной Хассуны». Но почему данная традиция не могла возникнуть в самих этих древних сообществах? Почему она должна была быть обязательно привнесена откуда-то? Представляется, что более осторожная формулировка, использованная автором при описании конструирования сосудов тепе Гурана, где кроме лоскутной технологии, использовались налепы из жгутов. Диссертант логично заключает, что использование налепа из жгутов в данном случае может свидетельствовать как о дальнейшем развитии лоскутной технологии, так и о привнесении нового приема извне» (стр. 76-77).

Несмотря на эти небольшие замечания, следует сказать, что представленная работа представляет собой полностью самостоятельное, оригинальное исследование. Все поставленные в нем задачи выполнены и цель достигнута. Автором в рамках единого подхода изучено и описано значительное число артефактов, происходящих из памятников Загроса и Северной Месопотамии. Охарактеризованы гончарные традиции с описанием всех этапов создания керамических изделий для всех обсуждаемых территорий, а также проанализирована динамика их изменений, начиная с конца IX до первой трети VI тыс. до н.э. Все выводы автора в полной мере обоснованы как анализом оригинальных материалов, так и серией проведенных экспериментов по разным технологическим этапам производственного процесса. На основе полученных данных представлена целостная картина историко-культурных процессов на

территории южномесопотамских предгорий Загроса и Северной Месопотамии в VII – начале VI тыс. до н.э. Выявлено направление распространения базовых гончарных традиций в северном направлении.

Хотелось бы еще раз специально подчеркнуть, что данная работа успешно продолжает отечественные традиции востоковедения.

Автореферат отражает структуру и содержание диссертации. Выводы и положения диссертации Н.Ю. Петровой отражены в 17 статьях, в том числе в 7 публикациях в ведущих отечественных и зарубежных научных рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК для представления основных результатов диссертаций.

Без всякого сомнения необходимо сделать вывод, что диссертация Петровой Натальи Юрьевны на тему: «Неолитическая керамика Загроса и Северной Месопотамии как исторический источник (технико-технологическое исследование)» соответствует всем требованиям, предъявляемым «Положением о присуждении ученых степеней» к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. Археология.

Доктор исторических наук
главный научный сотрудник,
руководитель Центра антропозкологии
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук
119334 Москва, Ленинский проспект, 32а.
Тел. +7 (495) 938-17-93, Факс +7 (495) 938-06-00
infor@iea.ras.ru
02.08. 2021

 Н.А. Дубова

Подпись 
заверяю
Зав. отделом кадров 
"09" 08 2021

